

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ТЕАТРАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ
СОВРЕМЕННОЙ ДРАМАТУРГИИ

ФЕСТИВАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА

№10
29 ИЮНЯ 2014

БОЙ ПРОТИВ ВЕЧНОСТИ

Александра Чичканова («Я — это я»)
Проект Николь Контолефа,
г. Нью-Йорк, США

Если кому-то в каких-то фестивальных спектаклях не хватало динамики, то монолог Николь Контолефы «Я — это я» по пьесе Александры Чичкановой эту самую нехватку компенсировал с избытком. Причём динамикой — в самом прямом смысле. Нью-Йоркская актриса вышла на улицы Екатеринбурга лихим экскурсоводческим маршем, ведя за собой зрителей. Их не так много, как могло бы быть в зрительном зале, но только потому, что услышать голос Николь на беспрерывно шумящих улицах можно только стоя очень близко к исполнительнице, а такое удовольствие в толпе недоступно.

Логика этого решения — постоянное движение рассказчика — с одной стороны, очевидна и кроется в самом тексте, в котором персонаж тоже куда-то идёт и комментирует окружающее. А с другой — всё-таки есть определённый момент «разрыва шаблона», когда зрителя стаскивают с насиженных стульев, тормошат, спрашивают, обнимают, играют в «ладушки»...

Театр должен удивлять? Ну вот вам, удивляйтесь! Конечно, самим форматом уличного спектакля сегодня удивить мало кого возможно: периодически театр у нас, в Екатеринбурге (чего уж говорить о столицах), выходит на улицу то в жанре (господипрости!) перформанса, то в виде полноценного Фестиваля уличных театров в прошлом году... Однако, в большинстве случаев пресловутая «четвёртая» стена никуда не девается, разве что в ней проделывают пару окон.

Николь «четвёртую стену» благополучно игнорирует. Вообще очень сложно сохранять любые границы, если ты находишься в постоянном движении, и в этом, пожалуй, есть ещё одна причина «спектакля на ходу». Актриса выходит к зрителю в прямом смысле этого слова, более того, тащит его за собой, дальше и дальше... Очень сложно добиться ответной реакции, пока зритель сидит на тёплом стульчике (кто-то может вообще закрыться, кто-то пережить дискомфорт), а Николь хочет ответной реакции, она настойчиво добивается её.

И, в общем-то, действует в полном соответствии с посылом пьесы.

Героиня монолога настойчиво требует от мира, чтобы тот признал, что она — есть. Вот такая, с привычками, странностями, путанными мыслями, не самым притязательным вкусом и ещё миллионом отличительных вещей. Уникальная. Что она не просто есть, но и оставляет след, будь то отпечатки пальцев на книге или воспоминание пассажира проезжающего мимо автобуса. Но вместе с этим требованием в монологе звучит и горькое осознание того, что любой след, оставленный любым человеком, не вечен, что отпечатки сотрутся, что воспоминание растворится под грузом более важных событий. А главное, что практически никто не осознает, что оставивший этот след «не просто какой-то человек», а «Я».

Подспудная тяжесть в этом монологе теперь уже напрямую ассоциируется с трагической судьбой автора, Александры Чичкановой, скоропостижно ушедшей из жизни в 2012 году. Но Николь Контолефа в своем небольшом 40-минутном спектакле оказалась тем «маленьким солдатом», который выступил против многократно превосходящих сил противника — забвения и распада. И одержал маленькую победу. Во-первых, доказав нам, что «она — это она» и что она запечатлется в нашей памяти надолго. И, во-вторых, ещё раз, на те же сорок минут, вернув нам Сашу Чичканову.

Алексей Еньшин

«А Я ИДУ, ИДУ, ИДУ...» — Николь Контолефа, режиссёр и актриса спектакля «Я — это я»

Первая реплика в пьесе: «Вот идёшь ты, идёшь, ну, я иду, я то есть, иду, иду я»... А что побудило вас пойти за пределы сценической коробки?

Я очень много лет хотела сделать этот спектакль, но не знала, как именно, потому что мне было необходимо создать ощущение стремительно-го движения. Сам текст вынуждал меня к этому. Для того, чтобы создать эту иллюзию внутри сценического пространства, необходима определенная машинерия и финансовые затраты. Поэтому я пошла в парк.

Но между замыслом и воплощением спектакля прошло почти восемь лет...

Да! Когда я читала пьесу в первый раз, сразу почувствовала близость с материалом, как будто встретила со старым другом. Но было много сомнений. Я боялась делать моноспектакль. И думала, что, может быть, это вообще только мне интересно. Но было сильное желание показать эту пьесу. Я переписывалась с Сашей Чичкановой. И убедилась тогда, что это действительно моё, что я верно поняла, про что она писала. Сегодня для меня очень важно, что я наконец показала спектакль в месте, которое описывает автор. В оригинальной декорации. Это меня трогает, я это чувствую.

Как происходит процесс организации спектакля, когда вы играете в Нью-Йорке?

Я рассылаю приглашения по e-mail, назначаю место встречи, время. И жду зрителей на ступенях библиотеки в Бруклинском парке, где они меня узнают по книге в руках с названием спектакля на обложке. Всем по очереди я выдаю «кармашек» с библиотечным формуляром внутри, в который вписывается имя зрителя. Когда я вижу, что все, кого я ждала, пришли, начинается спектакль.

Есть разница в восприятии между американским и российским зрителем?

Я не почувствовала разницы. Но она всегда присутствует внутри каждой аудитории: есть те, кто открыт к взаимодействию, есть те, кто смотрит отстранённо. Зритель не знает, что произойдёт в следующий момент, поэтому и существует органично. В Екатеринбурге я опасалась только одного, что спектакль может пройти неудачно, так как нужно обжить совершенно не знакомое пространство. А это не так просто – перестроиться.

Вам это удалось?

Я заранее разработала несколько маршрутов, на случай непредвиденной ситуации... и эта ситуация произошла! (на площади перед УПИ про-

водились праздничные мероприятия – Ред.). Конечно из-за того, что на заднем плане лейтмотивом шло постоянное «унц-унц-унц», мне показалось, что атмосфера была немного разрушена... Но зрители пришли на мой спектакль – сейчас, этот спектакль для них. Это некое переживание для зрителей, их опыт, спектакль так задуман. И он проходит именно так, как нужно сейчас, и в таком виде больше не повторится.

В спектакле есть моменты, когда вы начинаете танцевать, а монолог продолжает звучать в записи. Эмоционально очень сильный приём. Естественно, каждый зритель расшифровывает его по-своему. Что этот танец значит для вас?

В тексте много моментов, когда мой персонаж не может высказать, что чувствует, сбивается, заново формулирует мысль, ищет нужные слова... Наверное, зритель мог подумать, что причина в том, что я плохо говорю по-русски. Но нет – это прописано в тексте. Поэтому в определённый момент я уже не могу вербализировать свои чувства и тогда – НАДО ТАНЦЕВАТЬ!

Американскому зрителю понятна история уральского автора?

У меня ещё не сформировалось какое-то конкретное отношение к уральской драматургии, потому что на английский переведено не так много произведений. Но пьеса Александры Чичкановой универсальна: она не про Россию, не про Урал – она о человеке. Этот текст американский зритель понимает и любит.

Вы учились актёрскому ремеслу в Школе-студии МХАТ и в Америке. В чём принципиальная разница между западной и российской школами?

В Америке в процессе обучения ты формируешься как самостоятельная, ни от кого не зависящая фигура. То есть – ты абсолютно независим. А в Москве мы учились «ансамблевости», там специально создаётся ситуация, когда очень трудно существовать вне команды, все должны разговаривать на одном театральном языке. И ещё в русской школе весь процесс обучения ты проходишь с одним мастером – а в Америке один год, например, ты учишься у Сузуки, следующий у Майнера... У каждого из них свои техники преподавания и совершенно различное понимание театра. Вообще,

мне нравится работать в России! Здесь богатая театральная и языковая культура, большой процент населения интересуется театром. В Америке дела обстоят иначе: очень узкая прослойка общества ходит в театр, ещё меньше людей создаёт его.

Финальная реплика пьесы: «И всё та же улица, всё та же дорога, всё тот же шум, а я всё иду, иду, иду»... А куда идёт сама Николь?

Вперёд! (Смеется.) У меня нет точной цели, далеко идущих планов. В ближайшее время буду делать моноспектакль, где я буду исполнительницей роли, режиссёром и автором текста.

Thank you very much for the interview, Nicole.

Беседовали Ринат Ташимов и Елена Гецевич

КОЛБАСА ИЗ БОЛИ И ОБИД

Валерий Шергин «Колбаса / Фрагменты»
Молодёжный театр «Les Partisans», г. Ижевск

Малый зал Театра кукол заполнен, что называется, «под завязку». На чёрной сцене – свадебный праздничный стол «буквой П», на нём коренастые хрустальные стопки, за ним – все участники спектакля. Несколько женских голосов «за кадром» сбивчиво рассказывают предание об удмуртских обрядах. Эти обряды будут в жизни тех, кто станет героями этой истории: рождение состоится, обручение и свадьба тоже, смерть... особенно смерть. Тон задан, акценты расставлены, подтексты заложены. Из тех, кто собрался за столом, не всем предстоит сыграть сегодня главные роли. Кроме персонажей пьесы, режиссёр Павел Зорин добавил гостей на свадьбе, почти безмолвных.

Повествование собрано из тринадцати фрагментов (в спектакле герои обозначают их проговариванием месяцев: август-октябрь, август-сентябрь... май), всё это органично, никакой путаницы, очередной фрагмент если не вытекает из..., то объясняет предыдущий. Обыкновенная история большой семьи, где всё, как у всех: жизнь, смерть, свадьбы, расставания, споры, розни, обряды, козни... И, вроде бы, нет ничего неземного. Родился поросёнок. Скоро он будет колбасой. А пока он объект, вокруг и с помощью которого строятся отношения, раскрываются люди (члены семьи), доверяя животному то лично-сокровенное, что не могут рассказать друг другу. В спектакле поросёнка мы так и не увидим – он внутри коробки за массивным деревянным забором. Точно по центру сцены. На одном и том же расстоянии от каждого «человеческого» персонажа.

Маленький Сашка заботится о поросёнке. Он берёт его от опасного друга-вотьяка, а затем мужественно переносит и подготовку к казни, и саму казнь подопечного. А потом – одержимо завывает над колбасой из поросёнка Борьки... Артист Святослав Соколов сделал этот характер многогранным и живым. Его жаль, и в то же время завидуешь внутренней силе этого ребёнка, которая проявляется как раз в слабости, детской незащищённости.

Катя, бывшая невеста Руслана, приходит в поросичий загон для совершения обряда отворота. Тихая, в джинсах и толстовке... И вдруг – совсем другая: она нещадно растирает своё мокрое тело соломенной куклой, нечувствительная к боли, безжалостная от знания, что это поможет. Этот обряд созвучен раскрытию образа героини: артистка Анна Богданова на наших глазах рождает мистическую, до страшного, фигуру. До этого момента артистка использует лишь тихие, почти бесчувственные интонации, спокойный и усталый голос... И вдруг, в секунду, он прорывается в певуче-зазывной, ведьминский, глубокий и гипнотизирующий.

Руслана, бывшего жениха Кати, играет Валерий Златкис. Этот актёр совершенно на своём месте, он органичный и притягивает взгляд. Он может говорить или молчать, находиться в свете или кричать в темноте – всё равно это будет хорошая работа.

На поросёнка выливаются обиды всех членов семьи (героев истории), их злость на самих себя, боль от ненависти к самым близким. И животное должно быть светлым символом, да у него и нет выхода, кроме как терпеливо сносить уколы от хозяев. Но, если верить мистическому посланию, «вкусная» колбаса сложилась из боли и обид. Которые каждому из персонажей придётся «вернуть» самим себе.

Ещё один из «персонажей» данного спектакля – музыка. Она дополняет недосказанность, помогает и истории, и персонажам стать более объёмными. И вместе с ней, под финал, обрывается громкое свадебное веселье. Впервые за весь спектакль наступает момент тишины, гробовое молчание – с топором в руке появляется Руслан, брошенный жених. В кромешной темноте звучит его крик, после которого может быть... всё, что угодно, как плохое, так и (быть может?) хорошее.

Говоря о музыке, нельзя не упомянуть Юлию Гаврилову и Татьяну Черкасову. Именно эти девушки поют удмуртские народные песни. Они придают спектаклю национальный колорит и наполняют действие мистикой, тайной, словно охраняют тайну этого народа, как обереги для семьи.

Юлия Серебрякова

СЛУЧАЙНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Ярослава Пулинович «Как я стал»
Томский областной театр юного зрителя

Томский областной театр юного зрителя рассказал честную историю о жизни обычных людей, о поступках и их последствиях, о психологии, мужской и женской.

Центральный персонаж, Саша (Владимир Бутаков), узнаваем в сегодняшнем поколении: инфантильность, неспособность нести ответственность за себя, за свои поступки, желание иметь всё и не делать для этого ничего. Фантазии, в которых он любим и успешен, для него важнее настоящего дела. И хоть поступки его не красят, герой располагает к себе. Он лёгок, обаятелен, музыкален, находчив и обладает прекрасным чувством юмора. Он мог стать спасителем, а стал подлецом. Или не так категорично? Владимир Бутаков даёт своему герою возможность оправдать себя и доказать зрителю, что он человек, который хоть и ошибается, но всё же искренен в своём раскаянии. Он не подлец, он просто ошибся.

Герой находится в окружении трёх женщин: Майи, Маши и Арины Аркадьевны. Майя (Ольга Райх) его бывшая девушка, «детская» любовь. Маша (Дарья Ротенберг) случайная знакомая, которая почти становится невестой. Арина Аркадьевна (Ольга Никитина), мать Маши, бывшая актриса ТЮЗа, а ныне пьющая прима «театра одного актёра» с суицидальными наклонностями. Каждая из них ищет в Саше поддержки, верит, что он «спасёт» и жизнь наладится.

Отношения между героями переданы так просто и точно, что временами кажется: они не текст пьесы произносят, а говорят то, что родилось в сознании именно в эту секунду. При такой близости к зрителю, какая была в Гранатовом зале «Коляда-Театра», невозможно не заметить ложь. Но её не было, артисты «просто жили» рядом. И «ирреальные» моменты, когда героини преобразуются в объекты Сашиной фантазии, только заставляют ещё сильнее довериться происходящему и полностью погрузиться в историю.

А история проста: Саша обманул истосковавшуюся по настоящим чувствам Машу и её маму, которая не мыслит своей жизни без сцены. Не со зла обманул, он действовал из лучших побуждений... но вернулась любимая его Майка, и всё пошло наперекосяк.

Персонажи в определённой мере типичны, и мы достаточно просто можем понять их мотивацию, сопоставить их опыт с собственной жизнью. И хорошо, что режиссёр Илья Ротенберг не стал ничего усложнять, насыщать спектакль дополнительными смыслами. Самый главный здесь – человек. И действие всё наполнено жизнью, пропитано ею. Поэтому даже смерть Арины Аркадьевны не шокирует, она, скорее, выполняет функцию

«необходимой» трагической составляющей жизни, которая помогает что-то понять, задуматься и, может быть, раскаяться, а после – непременно жить дальше.

И в сценическом оформлении всё просто. Декорация минималистична: несколько чёрных металлических кубов. Гораздо важнее свет, который по-настоящему «играет» в спектакле. И, наверное, не так просто было создать нужную атмосферу на новой (не совсем приспособленной для этого) площадке, но участникам фестиваля это удалось.

Ну, и конечно – музыка. Её не много, но всё действие так ритмически организовано, что иногда не отдаёшь себе отчёта, льются ли звуки из колонок или слышишь их в своей голове. Стоит упомянуть о сцене, когда мать с дочерью поют песню «Любимая» Валерия Леонтьева. Складывается впечатление, что песню эту они пели вдвоём много раз. И тут в привычный мотив вливаются новые звуки – битбокс в исполнении Саши. Случайный человек меняет их жизнь, наполняет новым звучанием. Так, легко и естественно, передано внутреннее состояние героев и суть происходящего.

Узнаваемые герои, современность их проблем и характеров дают зрителю возможность почувствовать своё «родство» с ними. Понять человека намного сложнее, чем осудить его. Так вот спектакль об этом – как не утратить веру в человека.

Лидия Корзун, Елена Гецевич

Владимир Бутаков, исполнитель роли Саши:

– Саша мне близок. У меня не было даже никакой партитуры роли – просто сказали, чтобы я был самим собой. И я достаточно легко влился в предлагаемые обстоятельства. Помогло то, что со мной случилась похожая история, как у Саши с Машей. Но до трагедии не дошло, возможно, помогла пьеса, которую я успел прочитать вовремя. Мне кажется, она очень жизненная, нужная сегодняшнему зрителю. Хотя к современной драматургии я отношусь всё же предвзято, она меня пока не так интересует и трогает, как классика.

КАРТИНКИ ИЗ ЖИЗНИ

Василий Сигарев «Детектор лжи»
Серовский театр драмы имени А. П. Чехова

На спектакль Серовского театра я попал по воле случая и сразу должен заметить, что рад такому стечению обстоятельств.

Пьеса «Детектор лжи» Василия Сигарева, одного из наиболее известных учеников Николая Коляды, вряд ли нуждается в представлении. Я видел несколько театральных воплощений этой пьесы: и скандально известный спектакль Пермского театра «У Моста» (режиссёр Сергей Федотов), и читку пьесы в рамках фестиваля «Текстура» (режиссёр Николай Коляда), и некоторые другие вариации на эту пьесу.

Завязкой служит забавная бытовая коллизия: муж, находясь в нетрезвом состоянии, спрятал деньги и забыл об их местонахождении, теперь его жене необходимо отыскать записку, и с этой целью она приглашает в дом доцента Николая Николаевича, который занимается гипнозом.

О стилистике спектакля нам намекают ещё до входа в зрительный зал: программка выполнена в некоем комиксном стиле, со схематичным изображением героев и их характеристиками (взятыми из текста пьесы). Всё работает на создание особого художественного мира, по законам которого мы будем жить следующие два часа.

В декорациях к спектаклю мы вновь узнаем ту же комиксную, схематичную манеру. Действие пьесы происходит в квартире семьи Бызовых, Надежды и Бориса. На сцене перед нами как будто набросок обстановки их дома: накренившиеся шкафы, старые обои, какая-то техника, стол, стулья, кресла... Вид из окна – рису-

нок многоэтажки, сделанный люминисцентной краской. И в работе артистов проявляется та же стилистика: в комиксной манере поставлена и одна из наиболее благодарно воспринятых зрителем сцен спектакля – сцена драки Бориса и гипнотизёра.

В заданных обстоятельствах актёры существуют просто замечательно. Благодаря их игре, мы действительно явственно видим и ту самую «гангрену» Надю (Юлия Батурина), которая постоянно пилит своего мужа, «стройбатню» Бориса (Дмитрий Плохов), который якобы в танке горел, и, конечно, гипнотизёра Николая Николаевича (Александр Фукалов), который любит слонов и чебурашек. Николаю Николаевичу в спектакле отведено особое место, он является неким «альтер эго» автора. Неоднократно в фестивальных дискуссиях затрагивалась тема «вкусных» авторских ремарок, которые, к сожалению, не попадают в спектакль. Данная постановка прекрасно демонстрирует нам, что ремаркам есть место на сцене: как раз образ гипнотизёра и позволяет весьма удачно представить зрителям «закадровый текст».

Гармонично со спектаклем живёт и музыка группы «Ума2гмаН». Пожалуй, такое музыкальное оформление – одна из интереснейших придумок режиссёра Петра Незлученко. Полного единства действия и аудиоряда удалось достичь потому, что, на мой взгляд, и музыканты «Ума2гмаН», и постановщик придумали очень похожий красочный мир обычной жизни, красивую бытовую сказку, бытовой комикс.

Вообще, чего ни коснись в этом спектакле, все сделано очень точно и интересно. Правда, демонстрация картин Владимира Любарова в финале показалась мне излишней, мне уже хватило всего того, что касается описания забавного лубочного обывательского мирка. А вот массовый гипнотический сеанс под занавес, направленный на то, чтобы пробудить всеобщую любовь людей, вызвал у меня неподдельную радость!

Поэтому хочется сказать спасибо всей творческой группе спектакля, а закончить свой материал я хочу словами Николая Николаевича: «Любите друг друга <...>. И будьте счастливы. Всегда».

Илья Губин

ИГРЫ СО СМЕРТЬЮ

«Я.Мы»

Документальный проект Центра современной драматургии и Уральского филиала Государственного центра современного искусства, г. Екатеринбург

«Методом случайных чисел»

Моноспектакль Владимира Зуева

В девятый день фестиваля на площадке Центра современной драматургии в рамках off-программы можно было увидеть два монолога.

Первый — «Я.Мы» — документальный проект ГЦСИ в постановке Александра Вахова, посвящённый проблеме наркомании. Репортажная съёмка перемежается с монологом главной героини, которая рассказывает зрителю свою настоящую историю. Авторы проекта стараются говорить о наркомании отстранённо, предельно бесстрастно. Статистика, опросы случайных прохожих, примеры разного отношения к ситуации тех, кто сам играл со смертью — всё вместе напоминает большой журналистский материал, перенесённый с газетной полосы на сцену. Вот только редактору этому материалу не хватает. Нарочитая документальная небрежность, призванная без потерь перенести в театр кусок суровой реальности, выглядит как профессиональная халатность, неуважение к зрителю. Качество съёмки, неровности звука и монтажа, монотонность и бесконечные повторы монолога кажутся собранными вместе случайным образом, без участия режиссёра. Главной героине, в силу отсутствия актёрского опыта, очень сложно держать внимание зала, трудно самой выстраивать историю так, чтобы всё время хотелось знать, «а что же там дальше». Документалистика в театре, который всё-таки работает через образ, — жанр пока новый, и, к сожалению, ещё не нашедший своего языка. Удачи тем смельчакам, что упрямо работают в этом направлении.

Второй историей вчерашней off-программы стал моноспектакль Владимира Зуева «Методом случайных чисел». Поэт и драматург вышел к залу с новой пьесой о страхе смерти, одиночестве, преодолении и поиске самого себя. Главный герой (Вениамин Всполох) пытается уйти от ответственности за собственные поступки, позволив простой игральной кости принимать «верные» решения. Лёгкий метод позволяет и к жизни относиться легко, иронично, играючи. Вот только не-

законченные истории, неразрешённые внутренние конфликты всё идут за Веной следом, болят, не дают легко выдохнуть. Профессиональная нереализованность, нарушенные связи с любимой матерью, неспособность дать счастье женщине сплетаются, образуя комплекс вины, шуршат в беспоконной голове бесконечными городскими шумами. Зуевский герой, по дурости, сам себя ставит в жуткую, почти мистическую ситуацию: он должен посмотреть в глаза самому себе и своей смерти. И тут уж никакой кубик не поможет. Вспоминая всю свою жизнь, он будто бы заговаривает смерть, разыгрывает перед ней целое представление. Такая терапия для тоскующей души, уставшей от пустой суетности существования.

Зуев-режиссёр придумывает для персонажа и место, и действие, выстраивая на пространстве рабочего стола целый мир — одну человеческую жизнь. Зуев-актёр с завидным энтузиазмом новичка ловко лавирует между поэтичным текстом пьесы и режиссёрскими придумками, параллельно справляясь с волнением Зуева-драматурга, для которого опыт участия в полноценном моноспектакле случился впервые. Постановка не выглядит наброском, но кажется очень хорошей заявкой на нечто большее, способное выйти за рамки программы off. Высокий уровень мастерства драматурга и от актёра-режиссёра требует той же безупречности в работе, той же точной законченности произведения с одной стороны и бесконечной возможности его трактовок с другой. До следующего фестиваля год — у Владимира Зуева ещё есть время на дополнительные репетиции.

Мария Зырянова

Выпуск подготовили

Елена Гецевич,
Вера Цвиткис

Добавить в избранное!
Все новости фестиваля
на www.domaktera.ru

